

Моя Одесса, моя Москва...

Моск. Правда. - 1995. - 11 сиб. - С. 9.

«Сообразим на троих?» - есть, очевидно, в этой национальной традиции, относящейся к эпохе построения светлого будущего, какая-то своя закономерность, которая проявляется не только при создании временного мужского коллектива для опорожнения стеклянного сосуда емкостью 0,5 литра. Употребление воделенного напитка при этом, как вы знаете, не было самым важным. Главное - «... а поговорить?» В шестидесятые, семидесятые поговорить по душам, высказать наболевшее собирались в подворотнях, на кухнях и... на съемочных площадках, в театрах. Навсегда останется в нашей памяти великолепная тройца: Никулин, Моргунов, Вицин в образах Балбеса, Бывалого и

Труса. «Сообразили на троих» на радость гражданам СССР также Жванецкий, Ильченко, Карцев. Теперь, увы, это уже не трио, а дуэт - умер Виктор Ильченко. Но он остался жить, причем не только в памяти зрителей и в сердцах друзей. Он участвует в новых программах, созданных его товарищами. И в том, что моноспектакль «Моя Одесса» получил в этом году на фестивале сатиры и юмора приз «Золотой Остап», - также его заслуга. Не случайно на сцене стоит шаланда «Витя», и именно в ней отправляется в плавание от одесских берегов к зрителям Роман Карцев. А за полчаса до ее отплытия в гримерной Театра эстрады состоялась наша беседа.

- С Витей я познакомился позже, чем со Жванецким. Хотя в Одессе мы все трое были в студенческом театре миниатюр «Парнас». Но когда я туда пришел, Ильченко уже ушел и создал свой коллектив. У него всегда была склонность к режиссуре. А со Жванецким я вместе работал, играл в спектакле, из которого меня Аркадий Райкин и пригласил в свой театр. Потом, когда я уже месяцев семь был в Ленинграде, приехав в Одессу, случайно встретился с Витей и предложил ему показаться Райкину. Та наша встреча - судьба. Он шел на бульвар, я на пляж, мы могли разминуться...

- Да, случай... А был ли случаен в вашей творческой судьбе такой «зигзаг», как приход к Михаилу Левитину в театр «Эрмитаж»?

- Ну, начнем с того, что Левитин, как и мы, одессит. Еще когда я с ним не был знаком лично, видел, как он прохаживался напротив моих окон с Женей Ручкиным - под ручку, как Станиславский и Немирович-Данченко. Два режиссера, два талантливых человека.

Потом, мы с Витей всегда очень относили себя к эстраде. Наше место было как бы посередине между драматическим театром и эстрадой. Мы не делали какие-то репризы, хохмы, специальные номера к 8 Марта. Мы делали спектакли, а отдельные миниатюры из них потом показывали на сцене, в телевизионных передачах. Телезрители видели фрагменты того большого, к чему мы стремились. А с эстрадой у нас не всегда клеилось, и составители программ понимали, что мы не эстрадники.

Я и сейчас, когда участвую в сборном концерте, мучаюсь, не знаю, что мне делать. У каждого артиста есть свои «убойные» номера. Есть они и у меня. Но мы с Витей любили работать так, чтобы публика приходила именно к нам, чувствовала, чем мы занимаемся, что нас волнует, чьи тексты созвучны нашему настроению, состоянию души. Мы никогда не ставили перед собой задачу - просто рассмешить. Хотя, конечно, бывали жизненные ситуации, когда надо было заработать - вот и выступали на концертах. Но по-настоящему дружеские связи у нас всегда были с драматическими актерами. Бывали у них на театральных вечерах, «междусобойчиках», выступали - мы с Витей, Жванецкий, Высоцкий, Евтушенко...

Так что наше сотрудничество с Левитиным не было чем-то неожиданным, неорганичным для нас. Сделали несколько спектаклей - по Хармсу, Чехову, и нам было интересно. Но все-таки «эрмитажный» период слишком затянулся. Мы потеряли почти целое поколение зрителей: пока играли для узкого круга, сердца «масс» завоевывали Хазанов, Винокур и другие восходящие звезды юмора, которые стали часто появляться на концертах, на голубом экране. Хотя, конечно, у каждого из нас свой подход к теме, свой взгляд на мир.

«Золотой Остап», недавно полученный в Питере, особенно дорог мне: его дали не просто как актеру, а именно за спектакль «Моя Одесса». Это правильно. Спектакль мне и самому очень нравится, а это бывает редко. Сейчас я, наверно, один работаю в жанре моноспектаклей, настоящей классической миниатюры, в то время как на эстраде преобладают репризы, анекдоты, треп

«на злобу дня». Нас с Витей всегда привлекало творчество не пародистов, а людей, смотрящих в суть, - Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Булгакова. И Жванецкий, тексты которого легли в основу моноспектакля, не хохмач, а писатель. Его миниатюры - это художественные произведения. Вот почему «Моя Одесса» - это настоящий театр. Тем более что постановку осуществил такой мастер сцены, как Марк Розовский.

- Спектакль «Моя Одесса» у вас получился, в первую очередь, очевидно, потому, что Одесса действительно - ваша. Вы с рождения вдыхали ее воздух, слушали ее говор, загорали на ее пляжах. А можете ли вы сказать: мой Питер, моя Москва?

- Конечно, человек, родившийся в Одессе, впитывает ее всеми порами, и это сказывается потом на жизни, на творчестве, где бы он ни жил. Одесситы - народ особый, ни на кого не похожий. Причем, в своем естественном поведении, в разговоре они не видят ничего смешного. И чем они серьезнее, тем смешнее тем, кто смотрит на них со стороны. Мы с Витей это использовали. Есть закон: ищи в смешном трагическое, а в трагическом смешное. Мы его всегда соблюдали.

Но нашу судьбу определила не только Одесса. Не менее важную роль сыграли Ленинград, с которым связано 8 лет жизни, и Москва. Так что я с полным основанием могу их назвать моими. Так же, как и многие мои земляки, которые сумели найти здесь то, чего не мог дать родной город, которые смогли в столице в большей степени проявить свои способности. Творческой личности очень важно иметь возможность общаться с талантливыми людьми, видеть новые спектакли, выставки, возвращаться в мире искусств.

Мы очутились в Ленинграде в чудесное время - расцвет БДТ, пушкинского, акимовского театров, потрясающие спектакли, забойные «капустники»... А какие

люди нас окружали: Симонов, Смоктуновский, Юрский, Басишвили, молодая красавица Дороница, великий Евгений Лебедев, которого лично я обожаю и считаю, что ему при жизни надо поставить памятник. Они нас тоже уважали, чувствовали, что появляется нечто новое. Из-за этого «нового» мы и ушли от Райкина - хотелось сделать что-то свое, не похожее на то, что уже есть на сцене.

С Москвой «близкие отношения» у меня сложились с 1962 года - в течение полугода Райкин показывал свои спектакли в Театре эстрады. Правда, было немного тоскливо. Сами понимаем: полгода сидеть в одном помещении, каждый день смотреть на Москву-реку... Но мы, как и в Ленинграде, много общались с актерами, участвовали в их «капустниках». И был Дом актера - наш дом, где в ресторане можно было встретить любого из тех, перед кем мы преклонялись, кого обожали: Гриценко, Стриженова, Ролана Быкова - веселого, поджельком... Все это будоражило, окрыляло, заряжало энергией.

Три города в нашей судьбе - как три грани творческой биографии, у каждой из которых свой оттенок, свой рисунок. И все-таки они составляют одно целое. Так же, как Ильченко, Жванецкий и я. Мы шли по жизни втроем, во многом одинаково воспринимая окружающее, иной раз расходясь во взглядах, дополняя друг друга. И это - счастье. Не каждому такое дано. Таким состоянием души хочется поделиться. Но не надо думать, что счастье - это вечный кайф, безудержное веселье. Зрители, идущие на спектакль «Моя Одесса» только для того, чтобы расслабиться, похихотать вдоволь, очевидно, будут разочарованы. Но что поделаешь, в нашей жизни много весьма невеселого. А мы с Витей, Мишей Жванецким всегда говорили и будем «говорить за жизнь».

Людмила ФОМИНА.

Фото ИТАР-ТАСС.